

Главы из книги «Последний Пешношский старец»

Предисловие

История создания этой книги началась летом 2002 года.

Я и мой двенадцатилетний племянник Владислав [отдыхали](#) в селе Орудьево по Савеловской дороге в доме у милой старушки Клавдии. Несмотря на то, что ей было за восемьдесят, она давала фору во всех хозяйственных делах мне, пятидесятилетней. Благородное лицо ее, деликатные манеры наводили на мысль о дворянском ее происхождении. Оказалось, она из крестьян, сирота. Думается, вера так облагородила этого человека.

Клавдия каждый день поминала целую тетрадку «благодетелей» - население целой деревни, откуда она родом. Жители этой деревни, по русскому обычаю, «миром» вырастили сирот, старшей из которых и была Клавдия.

Лето было замечательным, племянник пропадал на прудах, где ловил маленькую вкусную рыбешку, а я не была лишена самого главного – Литургии. Храмов в Орудьево было целых два! Точнее, второй – Введения во Храм Пресвятой Богородицы был не в Орудьево, а дальше на три автобусные остановки, на «погосте Черная Грязь» или в селе Очево, что то же самое. Села, правда, рядом я никакого не заметила. Недалеко от храма

был «погост» - небольшое сельское кладбище.

В самом селе Орудьево храм Покрова Божией Матери был украшен замечательными иконами письма XIX века, в богатых ризах, а стены расписаны, как я потом узнала, при участии великого русского художника Васнецова.

В храме были необыкновенные подсвечники, с деталями из фарфора, причем рисунок на каждом подсвечнике соответствовал иконе, перед которой он стоял. Потом я узнала, что это делалось в Вербилках, на фарфоровом заводе, по заказу купца-храмоздателя. Любили наши предки свою православную веру!

Во втором храме, «на погосте», или в селе Очево, тоже сохранились иконы, но большинство уже без риз, роспись стен была попроще.

Распятие было одинаковым в двух храмах, какое-то необыкновенное, трагичное.

Позже я узнала, что эти храмы известны с XVII века, история их очень интересна. Но меня поразило, что храмы, стоящие на шоссе – целы, не разграблены в эпоху гонений на веру. Как я позже прочитала в журнале «Московские епархиальные ведомости» - храмов в 1904 году в Дмитровском уезде было 109, а к 1944 году осталось всего 6. В них служили 8 священников и 1 диакон.* Из этих шести действовали 2 храма в Орудьево и его окрестностях! Когда я поделилась этим со своим духовным отцом, он сказал: «Значит, был молитвенник». От своей хозяйки я слышала, что был какой-то то ли старец, то ли юродивый в этих местах и умер недавно, в 70-е годы.

Мы с племянником, когда ходили в лес, заходили на кладбище (погост) возле храма Введения и молились, и подвижный Владик вел себя на удивление смиренно.

Однажды на автобусной остановке возле храма Введения одна из женщин рассказала нам, что в деревне Княжево, расположенной недалеко от храма Введения, скрывался 41 год старец отец Александр, и показала, где он похоронен.

*И это было еще хорошо. В 13 районах Московской области не было ни одного действующего храма.

Мы пришли к скромной могилке «на погосте», возле кипариса, и увидели на могильном кресте фотографию благообразного старца. Надпись гласила «Александр Ильич Жемков. 1877-1967».

Рядом такой же простой железный крест с фотографией молитвенного склада женского лица с надписью

«Татьяна Платоновна Калинина. 1.12.1898–17.11.1975».

Мы с Владиком стали молиться. Возле нас во время молитвы вилась красивая черная бархатная бабочка. Она касалась моего лица, садилась Владику на голову.

Когда мы пошли обратно на остановку, я стала ужасно кашлять и чихать.

Пусть простят меня читатели за физиологические подробности, но у меня хронический гайморит и вот, неожиданно, нос освободился, и я задышала свободно и стала ощущать запахи лета. (Гайморит больше меня не беспокоит).

Я не сразу связала это выздоровление с отцом Александром. При случае я спросила об о. Александре у настоятеля храма Введения в селе Очево архимандрита Паисия (Столярова).

Он сказал, что о.Александр многим помогает и вынес мне текст из 5 страниц, подписанный: «р.Б.София». Из него я узнала о необыкновенной жизни схииеродиакона Александра (Александра Ильича Жемкова) и его духовной дочери и сподвижницы

Татьяны Платоновны Калининой (тайной монахини Серафимы, в схиме Иоанны).

Раба Божия София - Софья Ивановна - в своем труде пишет фамилию о. Александра как Желехов и, видимо, оттуда это неправильное написание попало в журнал «Московские епархиальные ведомости», где печатался материал о храме Введения во Храм Пресвятой Богородицы, что на погосте «Черная Грязь».

Однако в двух документах, которые автор видел своими глазами, фамилия Александра Ильича – Жемков. Первый документ – «Послужной список монахов Николо-Пешношского монастыря за 1916 год». Второй – «Свидетельство о смерти» Александра Ильича Жемкова, выданное Дятьковским райсоветом. Второй документ хранился у сестры Татьяны Платоновны Калининой - Пелагеи Платоновны Волковой (урожденной Калининой).

И на могильном кресте тоже – «Жемков». Из чего следует, что Софья Ивановна ошиблась. В «Свидетельстве о смерти» дата смерти -7 июля 1968 года, а не 1967 , как на могильном кресте. Человекам свойственно ошибаться.

Софья Ивановна так описывает помощь о. Александра: «Я, раба Божия София, тоже получила исцеление. Обожгла палец, ожог 2-й степени. Приложила руку ко кресту на могиле батюшки, помолилась ему и поспешила на автобус. Дорогой я забыла о больном пальце. Это была моя первая просьба к о. Александру. Я еще и не особенно верила. В другой раз болела рука. Я приехала на могилку уже с верой. Приложила руку к кресту, тут же боль ушла».

И я - Татьяна Ефимовна Ананьева - свидетельствую о мгновенной помощи о. Александра мне во время сердечного приступа.

Святая вода с песочком из могилы о. Александра прекратила затянувшийся приступ мерцательной аритмии, жаль, что не навсегда.

Я записала рассказы его духовных чад и просто знавших о. Александра, кое-где

дополнила их сведениями из текста Софьи Ивановны.

С помощью И. Г. Меньковой из Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета (ПСТГУ) в Центральном историческом архиве г. Москвы нашелся «Послужной список монахов за 1916 год Николо-Пешношского монастыря», в котором есть сведения и об о. Александре. Хочется поделиться с православным читателям узанным.

Зачем?

Чтобы была память об этом человеке святой жизни.

В процессе собирания сведений было много случаев помощи по молитвам о. Александра. Опишу только один случай. Ноябрь, вечер, дождь, я стою на автобусной остановке на шоссе, вдалеке от населенных пунктов, и жду последнего автобуса. Через некоторое время я понимаю, что он не придет.

«Голосую», никто не останавливается, время к ночи. Я взмолилась о. Александру о помощи. Скоро остановилась возле остановки машина, на лобовом стекле которой висел старинный крест, и довезла почти до дома моей хорошей знакомой в Орудьево. Причем водитель предложенных денег не взял, и, что особенно удивительно, он, после того как меня довез, развернулся и поехал обратно. Ему, оказывается, было не по пути!

Схиеродиакон Александр – монах из закрытого в 30-е годы Николо-Пешношского монастыря. Мне захотелось узнать об этом монастыре. История его оказалась очень интересной и, что самое странное, об этой обители мало кто знал.

«**Вторая Лавра**»

Так называл **Свято-Никольский Мефодиев Пешношский монастырь** Дмитровского

уезда митрополит Московский Платон (Левшин), посетивший его в 1795 г. «Пробыв в ней несколько дней, он не оставил ничего без осмотра, и был изумлен ее хорошим порядком и чиноположением, чистотою и хозяйственностью. Он всходил даже на высокую колокольню для обозрения окрестностей, и, сходя вниз, сказал сопровождавшему его архимандриту: «Пешноша в моей епархии – вторая Лавра».

Вот что увидела я в 2004 году. Люди, ехавшие со мной в автобусе, названия «**Никола-Пешношский монастырь**

» не знали. И направили меня в Никольский собор села Рогачево. Собор потряс меня размерами и малолюдством на службе. Служил настоятель прот. Михаил Захаров. Он служил так, как будто в храме было полно благоговейных прихожан. Там я купила книгу «Дороги к храму. Никольский храм и село Рогачево», написанную А.Ф.Захаровой под редакцией о.Михаила, он разрешил мне пользоваться сведениями из этого добросовестного исследования, которые пригодились для описания послереволюционного периода жизни монастыря, к сожалению, слишком фрагментарного.

Я добралась до Никола-Пешношского монастыря, который местные знали под названием «Дом инвалидов».

К сожалению, я увидела только внушительные, местами облезлые, стены и скелеты церквей без крестов. Нынешние «насельники» монастыря – неизлечимо психически больные люди, за которыми некому ухаживать в семье. Это называется «Психоневрологический интернат № 3».

Я прошла в ворота, где меня окружили густо пахнувшей толпой любопытные, как дети, «инвалиды». Тронутая их бомжеватым видом, я достала пачку печенья, которое захватила с собой. Народ оживился, произошло движение, и из своих недр толпа выдвинула маленького старичка, одетого в куртку и шаровары. «К нему никто не ходит», - загалдели справедливые «инвалиды». Старичок с необыкновенной быстротой стал доставать из карманов шаровар куски хлеба и выбрасывать их на асфальт. Освободив хранилище, он быстренько набил его тем, что я доставала из сумки. Но тут появился мрачный старший охранник и удалил меня за ворота. По пути мне удалось выяснить, что пускают внутрь один раз в год, «на праздник Мефодия» или 17, или 27 июня.

В эти числа – день преставления и день перенесения мощей преп. Мефодия

Пешношского, в стенах монастыря в храме преп. Сергия Радонежского, где под спудом лежат мощи преподобного, один раз в год служилась Литургия при стечении верующего народа и духовенства. Отец Александр Юзапольский, настоятель храма Покрова в селе Куликово, находящегося недалеко от монастыря, и, по-совместительству, несколько лет бывший настоятелем монастырского храма преп. Сергия Радонежского, рассказал, что ему стоило огромных усилий очистить Сергиевский храм от страшной грязи – в советские времена там была угольная котельная.

О. Александр (Юзапольский) жил в детстве на территории монастыря, но тогда он не интересовался историей обители, а сейчас спросить уже не у кого – свидетели последних времен монастыря ныне скончались.

И он, и настоятель Рогачевского храма о. Михаил Захаров поминали братию Пешноши – кого знают.

Раба Божия Галина, проживающая ныне в пос. Северном, в детстве тоже жила в монастырских постройках. Она вспоминает, что дети находили пещеры, в которых жили не древние отшельники, а последние монахи монастыря. Вспоминает она и доброго дедушку – монаха, который был садовником уже после закрытия обители и заселения его жителями. Он любил детей и качал их на своей ноге.

К моменту окончания книги (2010 г.) ситуация коренным образом изменилась. Уже издали видишь над монастырскими стенами крест на белой главке храма преп. Сергия Радонежского и купол Сретенского храма. В монастырских стенах, по соседству с психоневрологическим интернатом, действует монастырь. Сейчас настоятель монастыря – игумен Григорий (Клименко). Но на воротах все равно стоят охранники и тебя встречают любопытные люди странного вида. Чтобы войти на территорию вновь действующего монастыря надо давать здоровенный крюк, пробираясь между «монастырских огородов». (Подробнее в Послесловии).

История этого монастыря была сложной. Основанная духовным сыном преп. Сергия Радонежского преп. Мефодием Пешношским в 1361 году обитель долго была славной и богатой. Вернее, на заре зарождения обитель была богата любовью о Христе, но очень проста в обиходе. Об этом свидетельствует потир (Чаша для Причастия) преп. Мефодия, находящийся ныне в Дмитровском краеведческом музее. Этот потир, выточенный из дерева, напоминает потир преп. Сергия.

Преп. Мефодий, согласно легенде, прибавление «Пешношский» получил от того, что «**пеш ношаше**» бревна для строительства храма через речку, позже названную Пешноша.

Игумен Земли Русской не один раз навещал своего ученика, место их встречи называлось «беседным». Какая любовь связывала св. Сергия и преп. Мефодия! Путь преп. Сергия из Сергиева Посада до **Пешношского монастыря** – 65 км и пролегал по лесам. Но святой старец, видимо, чувствовал, что его присутствие и совет необходимы.

Дело ведь не только в том, что строился монастырь, но и в том, чтобы в монастыре продолжалась традиция «умного делания» - молитвы и трезвения – та традиция, насадителем которой и был преп. Сергей Радонежский в русском монашестве. В первый раз преп. Сергей, посетив своего ученика, велел перенести жилища из низины на более высокое место, и, видимо, благословил преп. Мефодия иконой свят. Николая Чудотворца. С этого момента обитель и утвердилась с названием Николо-Пешношской. Преп. Мефодий, основатель обители, 30 лет был игуменом монастыря.

Игумен Мефодий был основателем еще и Богородице-Рождественской Медведевой пустыни, упраздненной в XVIII веке, сначала бывшей скитом монастыря.

Преп. Мефодий почил 4/17 июня 1392 или 93 года – в разных источниках дата смерти приводится разная, т.е. он почил в год смерти своего духовного отца – преп. Сергия, или пережив его на год.

Вообще монастырь это какое-то «сердце» местности, от которого, как кровь по организму, расходятся токи благочестия, несущие жизнь всему окружающему.

Например, недалеко от Пешноши находится село с примечательным названием - Говейново, однокоренное слово со словом "благоговейный".

В самом названии мы видим благочестивое направление жизни его обитателей, родившееся не без воздействия монастыря. Влиянием **Николо-Пешношского монастыря** некоторые историки объясняют искоренение раскольнических сект, которые возникли позже в окрестностях монастыря.

Монастырь любили благоверные князья и цари, начиная с сына св. Димитрия Донского – Дмитровского князя Петра Дмитриевича.

Царь Иоанн 1V, впоследствии прозванный Грозным, посетивший на богомолье **Николо-Пешношский монастырь**, был приятно удивлен порядком этой обители. Самодержцу Российскому захотелось получить совет о том, как управлять государством. За этим он обратился к епископу Вассиану (Топоркову), из вельмож его отца, находившемуся на покое в обители. И он получил ответ «по сердцу» - епископ Вассиан посоветовал царю «Государь, если хочешь быть истинным самодержцем, то не имей советников мудрее себя; держись правила, что ты должен учить, а не учиться, повелевать, а не слушаться. Тогда будешь твердым на царстве и грозой для вельмож».

Последствия такого ответа были катастрофичными для Русского государства. Царь изгнал от себя трезвомыслящих ближних - протопопа Сильвестра и Алексея Адашева. Последовавшие за этим несколько лет опричнины держали в страхе не только бояр, но и население. Недаром, псковский юродивый Николай Салос предложил царю кусок сырого мяса – как символ «пожара лютости» (по словам князя Курбского), бушевавшего в стране по велению Грозного царя.

Молодой царь (тогда еще не Грозный, а царь Иван Васильевич) мог ведь посоветоваться с тогдашним игуменом Пешноши Варсанофием, впоследствии прославленным в лике святых как святитель Тверской. Но он выбрал другого ...

При игумене Варсонофии (XV век) монастырь даже имел свои суда, на которых перевозил хлеб для продажи. Достоинно удивления не только, что монастырь производил столько зерна, но и само состояние рек того времени. Глядя на речушку, протекающую в окрестностях монастыря, судоходство по ней предположить невозможно.

Игумен Варсонофий всячески содействовал прославлению преп. Мефодия Пешношского на Московском соборе 1549 года в лике общерусских святых. Удивительно, что при таких заботах святой игумен Варсонофий имел всегдашнее рукоделие – «вязанье монашеских клубуков»! Свят. Варсонофий застал опричнину, будучи уже правящим епископом Тверской епархии и тяжело переживал бесчинства царских опричников.

Св. Мефодий почивает под спудом – глубоко под фундаментом храма преп. Сергия Радонежского, и это спасло его мощи от поругания в годы советской власти. В храме, над местом предполагаемого захоронения св. Мефодия, была установлена рака и при ней стоял посох преподобного*. Много исцелений душ и телес произошло по молитвам святого, недаром его величают преп. Мефодий Пешношский Чудотворец.

В XVI веке монастырь сильно пострадал после пожара, но был вновь отстроен.

В начале XVII столетия монастырь был разорен отрядом польских интервентов, именуемых в традициях летописей 17 века «литвой».

* Игуменский посох долгое время хранился в Спасском храме села Дулово, при котором некоторое время жили пешношские монахи после ликвидации монастыря. Настоятель Спасского храма прот. Валерий Поляков отдал посох во вновь открывшийся Николо-Пешношский монастырь

В синодике поминается братия, «убиенная литовцами»: **«два иеромонаха, два священника, один иеродиакон, шесть схимников и тридцать семь трудников пали от меча врагов**

Земля сохранила позднему потомству имена их, изсеченные на камнях, и все они вписаны в братском синодике для вечного поминовения», - сообщает Калайдович

(историк, проведший в монастыре два года и потом всю жизнь занимавшийся Пешношей).

Через 200 лет почти, при перестройке Никольского собора, на месте прежней паперти были найдены каменные плиты с именами павших за Отечество.

Примечательный факт: главные монастырские ценности и реликвии удалось тогда сберечь от огня и разграбления. Не понятно как, но удалось - и не только золото-серебро, но и иконы, книги, раку над мощами Мефодия Пешношского и его посох... Удивительный пример предвидения и рачительности.

Со временем оскудела монашеская жизнь молитвой и трезвением, не стало сосудов Святого Духа – духоносных старцев. И следствие – угасание монастырей. Упадок монастыря приходится на 1700–1785 гг. Ослаблению монастыря способствовало решение императора Петра I в 1700 году передать монастырь в ведение Свято-Троицкой Сергиевой Лавры. Не всегда попечение царское было на благо обителям: в 1725 году Петр I, например, издал указ, в котором была фраза: «всякому здраво-рассудному известно какое небрежение славе Божией в лишних церквах и множестве попов».

Другая «просвещенная» правительница, Екатерина II в 1764 году изъяла у монастыря в пользу государства крестьян и земельные угодья, пожалованные князьями и царями на помин своей души.

А 21 декабря того же года огромный монастырь был превращен в приходскую церковь. И пребывал в этом состоянии больше года. Интересную историю рассказывает книга А.Ф.Захаровой «**Дороги к храму**» об этом времени. Переяславская консистория, к которой относился в то время монастырь, постановила изъять монастырский колокол в 219 пудов у монастыря, как «стоявшего на пустом месте».

А взамен привезти колокол в 139 пудов.

Но рогачевские крестьяне, «около ста, прошедши в незапертую калитку» громко

возмущались и не давали снять колокол, как купленный на пожертвования их предков. Колокол все же сняли и висел он некоторое время в столице – в Санкт-Петербурге на Петропавловском соборе, а затем - в Очаковской крепости. Но не дождалось рогачевцы колокола взамен своего, не стало слышно «голоса жениха»...

Возрождение монастыря началось в 1781 году, когда Преосвященный Феофилакт (Горский), епископ Переяславский, в чьем ведении тогда находилась Пешноша, «для лучшего поправления ея и для заведения в ней доброго порядка и благочиния» направил строителем о. Игнатия, а казначеем о. Макария (Брюшкова), учеников преп. Феодора (Ушакова) Санаксарского. После ссылки преп. Феодора на Соловки они стали учениками известного старца Клеопы, настоятеля Введенской пустыни Владимирской епархии. До Введенской пустыни старец Клеопа жил некоторое время на Пешноше, возвратившись с Афона, где вместе с преп. Паисием Величковским «провел большую часть жизни, упражняясь в умной молитве и духовном делании».*

*Старец Клеопа Покровский, ученик преп. Паисия Величковского М., 2004 г., стр.4.

Но не старцу Клеопе, а его ученикам – иеромонаху Игнатию и иеромонаху Макарию, ставших позже архимандритами, довелось восстановить Николо Пешношский монастырь.

«С Афонской горы и из монастырей Молдавии, в которых какое-то время жил о. Клеопа, он принес то новое в жизнь монастыря, что составляет сущность, сердце иноческого подвига. То, без чего по учению Св. Отцов не достижима главная его цель – стяжание благодатного бесстрастия – умную Иисусову молитву.

Это великое искусство, усвоенное преп. Паисием Величковским из святоотеческого предания, и возрожденное им на практике, стало достоянием о. Клеопы в годы его пребывания на Афоне, а впоследствии его учеников...»*

Недаром в братском синодике Николо-Пешношского монастыря записаны имена «Феодора, строителя Санаксаря монастыря; Клеопы, строителя Введенския пустыни; Паисия, архимандрита Молдовлахийскаго монастыря».

Позже, уже митрополитом Московским Платоном, в чье ведение перешел монастырь, иеромонах Макарий (Брюшков) был назначен строителем в 1788 году. О. Макарий, глядя на разоренный монастырь, впал в «злое уныние». В сонном видении ему явились преп. Сергей Радонежский и преп. Мефодий Пешношский и ободрили его так: «Не отходи отсюда. Здесь будет во всем изобилие».

*Старец Клеопа Покровский, ученик преп. Паисия Величковского М., стр.15

Архимандрит Макарий (1750-1811) вошел в историю, как о. Макарий Пешношский (скончался в схиме с именем Макарий).

Неутомимый и многосведующий в делах хозяйственных, он еще более был неутомим в подвигах духовной жизни. Вид его казался строгим, но душа его была полна любви отеческой ...» - так писал о нем преп. Макарий, старец Оптинский.

О. Макарий Пешношский состоял в переписке с преп. Паисием Величковским и получил от него в подарок игуменский посох. Может быть, это и есть тот посох, который передал прот. Валерий игумену монастыря?

О. Макарий Пешношский начал свою деятельность не с поправления ветхих строений, а с принятия Афонского устава и налаживания строя монашеской жизни.

Преуспев в этом, он добился возвращения церковных вещей и книг из Переяславской консистории. После принятия монастырем Афонского устава, как верили все Пешношские иноки, обитель находится под особенным покровительством Божией Матери – игуменьи Афона.

Пешноша при о. Макарии, достойном ученике делателей молитвы Иисусовой, сделалась рассадником жизни монашеской и «училищем благочестия». Архимандриту Макарию были отданы в распоряжение монастыри: Сретенский (в Москве), Голутвинский (в

Коломне), Борисоглебский (в Дмитрове), пустыни: Давидовская, Берлюковская и Екатерининская. Его ученик, «огородник Авраамий», восстановил захиревшую Козельскую Оптину пустынь. Двадцать четыре настоятеля различных российских монастырей были учениками архимандрита Макария. Под управлением о. Макария были приходские храмы в селе Ведерницах, Рогачеве и Медвежьей Пустыни Дмитровского уезда.

В советское время эти храмы приютили на время гонимых монахов **Николо-Пешношского монастыря**

Желающих подробно ознакомиться с историей Николо-Пешношского монастыря отсылаю к книге «Пешношский Патерик» (изд-во им. Свят. Игнатия Брянчанинова, М. 2000г.)

Были и еще достойные преемники преп. Мефодия Пешношского и архимандрита Макария. Строгую монашескую жизнь поддерживал игумен Максим (1755 - 1850г.), время настоятельства: 1819 – 1836 г. О. Максима так уважали окрестные крестьяне, что не разрешали своим детям петь песни возле монастыря, боясь Божиего наказания за нарушения покоя праведника.

Достаточные крестьяне благодарили монастырь, а недостаточные получали от него помощь.

О духовном уровне старца говорит такой факт, что к нему приезжал советоваться старец Оптинский преп. Леонид (Наголкин).

Далее настоятелями Пешношского монастыря были – архимандрит Сергей(+1857) и архимандрит Мефодий (+1869), любимый братиею и пользовавшийся глубоким уважением митрополита Московского Филарета и его викария - епископа Дмитровского Леонида (Краснопевкова).

При архимандрите Мефодии, по благословению митрополита Московского Филарета, в 1859 году был освящен придел преп. Мефодия в церкви преп. Сергия Радонежского.

Далее настоятелями были строитель архимандрит Дионисий (+1887) и игумен Макарий (+1907).

«Было время, когда Белые Берега обиловали благонамеренными иноками, были времена, когда обиловала ими Пестуша (**Пешноша** в старинной транскрипции – прим. Составителя), теперь наступило время для Оптиной; время цвета пройдет своей чередой, - процветут другие места ...»

- пишет свят. Игнатий (Брянчанинов) в письме Преосвященному Леониду (Краснопевкову), своему ученику, бывшему на Дмитровской кафедре с 1859 по 1876 год, в чьем ведении находилась **Пешноша**. Порядки монастыря были строгие: например, жили по двое в смежных келиях, младший не мог выйти из кельи, не испросив благословения у старшего.

Да, видно, порядки нарушались, иначе, откуда внезапные смерти от «винопития», о которых пишет иеромонах Иероним (Суханов), долгое время исполнявший послушание «синодичного»*.

Во второй половине XIX века солнце духовного расцвета Николо-Пешношского монастыря пошло на убыль. Митрополит Филарет (1783-1867), чье заботливое око не оставляло и Пешношский монастырь без архипастырского попечения, отмечал некоторое уничтожение монашеской простоты в монастыре, произошедшее на его памяти. Он в разговоре с игуменьей Аносина монастыря говорил, что при первом посещении монастыря никакие келлии не были заперты и в них находились скамьи вместо кровати и стол, брать было нечего; а ныне все под замком, и развелись самовары и многое другое.** О снижении уровня монашеской жизни свидетельствует и синодик монастыря.

Синодик Николо-Пешношского монастыря - это не только помянник усопшей братии и их родных. Это целое художественное произведение, можно сказать - летопись монастыря.

*«Синодичный» - монах, заведовавший монастырским синодиком – списком усопших, которых поминают на службах .

**» Женская Оптина» изд-во Паломник, М., 2005 г.

В этом синодике описывается не только жизнь святых настоятелей, но и настоятелей, жизнь которых не могла быть примером для братии.

«Синодичный» - иеромонах Иероним (Суханов), в схиме Иоанн, сын священника Иоанна*, восстановил синодик (старый сгорел), снабдил его выписками из Святых Отцов, случаями из жизни пешношской братии и других монастырей, подробно описал чин погребения монахов и явления из загробного мира.

Прослеживая пометки иеромонаха Иеронима в синодике, мы видим жизнь одного из сотен братьев, пришедшего в монастырь для того, чтобы жить для Бога и в Боге в полной неизвестности. Но Промыслом Божиим он становится «на свещник» и высвечивает нам монашескую жизнь Пешношской обители XIX века изнутри.

В его записях нет никаких материальных примет – он не описывает ризницу, мы не узнаем сколько лошадей на конном дворе. Он живет жизнью души и Духа.

Вот одна из пометок иеромонаха Иеронима в синодике: «Некоему благочестивому иерею (отцу иеромонаха Иеронима – священнику Иоанну – прим. автора) было открыто во сне Таинственное изображение нашей Пешношской обители и ея Братии живущей под видом САДА с прекрасными розами, цветами.

И с Надзирателем его, который ему и протолковал, что есть Сад сей, и даже объявил, что его многие перекараулили, но никто не устерег и все сами (онаго цветы и с ветвями) ломали и засушали, и прочее.

* Это следует из записей в синодике

О награде сказал, что (следует) за девственную чистоту душевную и телесную Я теперь по прожитии в обители (с 1825 года) довольно видел сам в себе и в братии события сего сна таинственного.

Ибо сколь многие, даже из обещавших девствовати при естественном восстании своих страстей и плоти, разжения от врага и соблазнов, не стерпев, уклонялися в наслаждения плотские и с тем до своей старости и смерти пребыли. Но Бог мирские грехи терпит, а монашеские не терпит. Так совершалось и здесь с непокаявшимися и не хранящими свои обеты и целомудрие, которые за то различные понесли от Господа наказания: скорби, безславие, даже гонения и смерти преждевременные. Но Целомудренные всю жизнь свою провоздали благополучно.

Монастырь есть место освященное, и его монашество духовное. По сему, оное и не терпит долго в себе держать ничего скверного и нечистого, и аки море, извергает все вон.»

Он приводит примеры «кончин блаженных» и «недобрых».

Недобрая кончина одного из игуменов монастыря устрашает – от нестерпимого смертного томления несчастный игумен хотел себя зарезать. И после смерти «внутренность его излилася с зловонием ».

В примерах кончины праведной – строителя иеромонаха Максима - все-таки есть устрашающий момент: явившись после смерти одному из братьев, иеромонах сказал, что он находится в хорошем невещественном месте, но что его на мытарствах истязывали за духовничество (видимо, за ошибки), гордость и скупость.

О себе иеромонах Иероним (Суханов) пишет:» Все люди на свете самолюбивы, не менее и я был не безчувственен ко всем почестям земным и к благоволениям человеческим. Но Провидение меня от того отвлекало.

По сему я решился сию суету оставить и искать твердого и постоянного благоволения во

едином Бозе, Господе нашем Иисусе Христе и Его Пречистой Матери Деве Марии Богородице».

Прислушаемся к этому посланию из далекого XIX века, тем более что настоящее монашеское устройство этого монаха было засвидетельствовано явлением необычайным:

В сонном видении посетила его Пресвятая Богородица, одетая так, как одевались русские крестьянки - с цветастым платком на голове. Он зарисовал свое видение и теперь мы с трепетом можем «увидеть» то, что бывает как исключение.

Ему был открыт год его кончины заранее, и он записал этот факт в синодике, это год 1877, и скончался он 14 декабря 1877 г., согласно записи его последователя.

Известно, что знание о времени своей кончины дано только людям праведной жизни.

По записям в синодике воочию можно убедиться, как оскудевала монашеская жизнь. Записи синодичного иеромонаха Иеронима (в схиме Иоанна) подразумевают настоящее монашеское устройство – покаянный настрой, хорошее знакомство со святоотеческой литературой, а его последователи ничего не внесли в синодик, кроме записей о смерти братьев, да и то полуграмотных.

Спасибо им, узнаешь, что много было «прислонных» на исправление в монастырь – это язва монашества того времени, дававшая примеры низкой нравственности.

Что иеродиакон Евстафий «нехорошой» был человек, что в монастыре был «ранни пономарь», «квасовар», что в синодик вносились имена «значительных» трудников – послушников, трудившихся на ответственных послушаниях, но не зачисленных в братство указом.

Но даже в чисто внешнем ведении записей в синодике видишь оскудение ревности к

послушанию.

В Центральном историческом архиве г. Москвы (ЦИАМ) есть интересный документ: «Обзор общежительных монастырей Московской епархии, произведенный благочинным архимандритом Николо-Угрешского монастыря Пименом» (ныне прославленным в лике святых). Прп. Пимен Угрешский – ученик свят. Игнатия Брянчанинова, пророчески предсказавшего ожидавшие Россию и Русскую Церковь потрясения.

Ученик унаследовал от учителя дар рассуждения и изложения. «Обзор», будучи документом, тем не менее читается с увлечением.

Вот что пишет прп. Пимен о **Николо-Пешношской обители** в 1878 г.:

«Николо-Пешношский монастырь найден мною в следующем состоянии: служба отправляется по чину, пение столповое, храмы содержатся опрятно, по внешности монастырь поддерживается довольно исправно.

В среде старшей братии преемственно отчасти еще хранится дух прежнего старчества, но, к крайнему сожалению, что современное мудрование вытесняет все прежнее». Эта запись относится ко времени настоятельства архимандрита Дионисия.

С 1887 по 1899 год обителью управлял игумен Макарий. Братии в обители было около 150 чел (Памятная книга Московской губернии на 1914 г. М. 1913 г. Стр. 120).

В послужном списке обители 1895 года такие сведения об игумене Макарии : «Игумен Макарий , 62 лет, из крестьян, в мире Максим. Холост. В братство принят 31.03 1864 года, пострижен в монашество 23 ноября 1866 года. Рукоположен в иеромонаха 17.01.1867 года. Братский духовник с 22.09.1877 года, казначей с 5.11.1880г., строитель с 3 августа 1887 года, игумен со 2.09.1890 г. За отличное служение в Церкви Божией и труд по благоустройству монастыря награжден наперсным крестом 20 мая 1893 года». Он был рукоположен в архимандриты, видимо, уже позже 1895 года.

Интересно, что первые опыты изобретателя радио А.С.Попова по прохождению радиоволн в 1895 году (в этот год монастырем управлял арх. Макарий) проходили в стенах Пешношского монастыря, там был установлен передатчик. Приемник находился в усадьбе Д.И.Менделеева «Боблово», расположенной недалеко от монастыря. К радости А.С.Попова и хозяина усадьбы они услышали писк морзянки, не заглушенный толстыми стенами Пешноши.

Разрешение проводить научные опыты в монастыре характеризует настоятеля монастыря как человека передового, не косного. Скончался архимандрит Макарий 13 июля 1907 года.*

В конце XIX столетия архимандрит Виталий (время настоятельства 1885–1914 гг.), восстановитель Иоанно-Богословского монастыря Рязанской епархии, «отправился в один из лучших русских общежительных монастырей - Николо-Пешношский - поучиться, как он говорил, общежитию». (Описание Свято-Иоанно-Богословского монастыря.

*Сведения из синодика и ЦИАМ

Изд-во Св. Иоанно-Богословского монастыря 1998 г.). Значит, при намечающемся общем упадке монашества и монастырей, из Пешношской обители еще не выветрился монашеский дух.

В конце XIX столетия обитель входит в десятку самых обеспеченных монастырей России. В нем 6 каменных храмов. Четыре прославленные чудотворениями иконы Божией Матери: Тихвинская, Казанская, «Всех скорбящих Радосте» и «**Прежде Рождества и по Рождестве Дев**

а

».

Последняя икона прославилась в конце XIX века чудотворениями именно в **Пешноше**, ее иногда называют «Пешношская Божия Матьер». Она таинственно связана с судьбой царской династии.

Когда царский поезд потерпел крушение на ст. Борки и при этом царская семья чудом осталась невредимой, Государь Император Александр Ш обратил внимание, что в этот день празднуется не только память иконы Божией Матери «Избавительница», но и память иконы «Прежде Рождества и по Рождестве Дева». Это явилось основанием для особенного почитания этой иконы в царской семье. Изображается Матерь Божия и Ее Предвечный Сын на этой иконе со знаками царского достоинства. Где она теперь...

Еще одна чудотворная икона - образ **Иоанна Предтечи** был создан преп. Андреем Рублевым или иконописцем его круга. Сейчас она находится в музее древнерусского искусства им. преп. Андрея Рублева.

Среди святынь **Пешноши** была частица Ризы Господней, в честь ее принесения в монастырь был установлен праздник с крестным ходом вокруг монастыря. Местонахождение частицы Ризы Господней в настоящее время не известно.

Архив и часть библиотеки **Пешношского монастыря** находятся в Государственном Историческом музее. Памятники прикладного искусства, связанные с монастырем: оклад на Четвероевангелие 1490-х годов, житие святителя Григория Омиритского 1452 года, „Лествица“ святого Иоанна Лествичника, переписанная в конце XV века, и напрестольный крест XV столетия, обложенный серебром, хранятся в Сергиево-Посадском музее. Большое золоченое кадило 1469 года — вклад в обитель удельного князя Юрия Васильевича — находится в экспозиции Оружейной палаты Московского Кремля.

Были прославлены чудотворениями две иконы преп. Мефодия Пешношского, одна из них источала миро. Где они сейчас – не известно.

До революции кладбище Николо-Пешношского монастыря было настоящим мемориальным памятником русского дворянства: там захоронены князья Оболенские, князья Вяземские, бароны Тухачевские, князья Волконские, князья Долгоруковы, князья Тугарины, находятся фамильные склепы известных боярских родов: Лужиных, Офросимовых, Поляниновых, Веревкиных, а также дворян Норовых, Юшковых, Бугайских, Боровиковых, Майковых, Елизаровых.

Свято-Николо-Пешношский Мефодиев монастырь в XX веке

Николо-Пешношский монастырь, даже если судить только по фотографиям, в начале XX века был материально в цветущем состоянии. Дмитровской епархией с 1901 года до 1914 года управлял Преосвященный Трифон (Туркестанов), духовный сын Оптинского старца Амвросия.

Так Оптина Пустынь, в свою очередь, способствовала процветанию Николо-Пешношского монастыря. Под руководством Владыки Трифона особенно расцвел Борисоглебский монастырь г.Дмитрова – его резиденция, но монахолюбивый Владыка не оставлял своей заботой и Пешношскую обитель.

Задолго до «лампочки Ильича» **Пешношский монастырь** освещался электричеством, которое вырабатывала ветряная электростанция.

Интерьеры храмов на снимках поражают великолепием. Монастырская «дача» - т.е. земли, принадлежавшие монастырю, охватывает огромное пространство. Братии, согласно Памятной книге Московской губернии от 1914 года, в это время было около 150 человек.

После архимандрита Макария, оставившего пост настоятеля в 1899 году, настоятелем монастыря был игумен Савва, а затем – игумен Иувеналий, , начиная с 1909г.*

Умер игумен Иувеналий в 1919 году (сведения из синодика), возможно, что он был настоятелем по год смерти. После него был игуменом иеромонах Ксенофонт (Чернышов), в схиме Онуфрий, по год смерти, последовавшей в 1922 г.(согласно синодику). Последним игуменом стал иеромонах Варнава (Жуков), покинувший монастырь вместе с другими монахами в 1929 году. Других сведений пока нет.

По данным Послужного списка монашествующих за 1916 год** в монастыре было 11 иеромонахов, 7 иеродиаконов, 20 монахов, и 22 послушника.

*Согласно Памятной книге Московской губ. на 1914 год М.1913 г. Стр.253

**Послужной список за 1916 год – последний список из сохранившихся. Он находится в Центральном историческом архиве Москвы (ЦИАМ).

Количество, указанное в Памятной книге - 150 человек - не получается, но, может быть, в Памятной книге считали и тех, которые не определены были еще в братство.

Из одиннадцати иеромонахов – один - казначей о. Ксенофонт - будущий игумен монастыря; два иеромонаха призваны в действующую армию. Средний возраст иеромонахов – 53 года. В основном их послушание – «череда священнослужения».

Некоторые несут и другие послушания, например, иеромонах Ксенофонт был братским духовником и духовником богомольцев, потом казначеем; иеромонах Митрофан (Ефимов) – ризничим, иеромонах Аристоклий (Салкин) – в сельском училище (видимо, преподавал, а, может быть еще и заведовал), иеромонах Иона (Смирнов) – был благочинным.

Есть иеромонахи, бывшие под запрещением в священнослужении, в основном из-за пагубной страсти винопития. Это – присланные на исправление в монастырь.

В монастыре в 1916 году 7 иеродиаконов, один из них – схимник Иоанн, 76-ти лет, находится в больнице и его послушание – читать синодик.

Другой - находящийся в больнице иеродиакон Тарасий, 80-ти лет, «череду

священнослужения исполняет». По нашим временам 80 лет – это возраст дряхлости, наши предки, видимо, были гораздо крепче нас.

Средний возраст служащего иеродиакона – 40 лет.

В монастыре в 1916 году было 20 монахов без священного чина. Из них три - преклонного возраста, из Серпуховского Высоцкого монастыря, находятся в больнице. Видимо, больницы в Серпуховском монастыре не было.

Еще три – Афонские постриженники. Это, скорее всего, монахи, высланные из Афона в связи с ересью «имяславцев». Греческие власти, воспользовавшись удобным предлогом, таким образом ослабили Русский Пантелеимонов монастырь по националистическим соображениям.

Два из Афонских постриженников – схимонахи преклонного возраста; один – монах Петр - несет послушание на клиросе.

Игумен Макарий характеризует афонских монахов так: »кроткого поведения«. Такая характеристика принадлежит только им.

Всего схимников в монастыре три человека.

Средний возраст монахов без священного сана – 53 года. В основном они заняты на хозяйственных послушаниях: келарь, пономарь, гостинник, трапезник, продажа свечей, конюхи на конном дворе, шорник, продавцы в монастырской лавке. Также монахи преподают в монастырской школе, в сельском училище. У нескольких человек, видимо, занятых на общих послушаниях или слабого здоровья, послушание – читать синодик. Многие из них характеризуются так: »тихой жизни«, «поведения спокойного».

Послушников, зачисленных в братство, в Николо-Пешношском монастыре на 1916-й год –

Пешношский монастырь – краткая история

Автор: Татьяна Ананьева
22.12.2010 06:57

22 человека, 10 человек из них на войне. Средний возраст послушника - 39 лет.

У многих послушников послушание – читать синодик, также клиросное послушание, при келарне, при больнице, при переплетной, кто-то сторожит монастырь. В основном, послушники были зачислены в братство в 1910-1912 годах, самое позднее – 1913 год. Скорее всего, это связано с началом Первой мировой войны в 1914 году.

Есть два человека, зачисленных в 1895 году, один из них – Василий Владимирович Казанский - «живет очень тихо».

Звонарем был послушник – «слепец» - Иов Евгеньевич Стрявчев. Его характеристика – «живет спокойно, послушание исправляет».

Конечно, сведения из послужного списка не дают всей картины жизни монастыря. Были, наверняка, и общие послушания – сенокос, на огородах.

Кстати, смешная и грустная деталь современности: огороды и сейчас существуют за монастырской оградой. Владеют огородами местные жители, и, когда игумен монастыря в недавнее время пытался их потеснить, чтобы сделать проход на монастырскую территорию, то они очень возмущались и говорили, что они испокон веков владеют «монастырскими огородами».

Большинство монахов и послушников крестьянского происхождения – 87 %. В послушниках два человека «из благородных» - сын титулярного советника и сын генерал-майора.

На фотографиях начала века видно, что в монастыре было электрическое освещение. Электричество производила ветряная электростанция, расположенная на монастырской башне. Значит, были в монастыре и такие умельцы.

Никола-Пешношский монастырь в годы Первой мировой войны принимал беженцев. Отрадно, что монастырь продолжал традиции, насажденные преп. Мефодием, которого в стихирах называют «нищелюбцем». Это только сказать легко – принимали беженцев, а как трудно, даже обеспеченному монастырю, такое «делание».

Это все приметы внешней жизни, о внутренней жизни мы можем судить по плодам, которые дал монашеский »САД» Пешноши в годы гонений на веру.

В музейных документах, начиная с 90-х годов XIX века в **Никола-Пешношском монастыре** упоминаются настоятели монастыря: игумен Макарий, игумен Савва, затем игумен Иувеналий.

Все эти сведения подтверждаются вновь найденными документами.

Затем в музейных документах указан последний настоятель монастыря - игумен Варнава (Жуков). Но по воспоминаниям духовных чад схиеродиакона Александра и сведениям из источников ПСТГУ перед игуменом Варнавой монастырем управлял игумен Ксенофонт.

Время настоятельства - с 1919 г. (год смерти игум. Иувеналия) по 1922 год - год кончины игумена Ксенофонта, позже рукоположенного в архимандриты и постриженного в схиму с именем Онуфрий сщмч. Серафимом (Звездинским).

Он и был духовным отцом будущего старца Александра (Жемкова) - героя нашего повествования. Кроме того, он занимал в монастыре положение, которое называлось – старец, т.е. такой человек, к которому ходила братия за советом, а может быть и исповедовать помыслы. Игумен Ксенофонт прошел весь путь монашеского искуса.

Вот некоторые сведения об этом достойном представителе монашеского чина из Послужного списка монашествующих за 1916 год.

Седьмого октября 1877 г. в монастырь принят послушником Карп Георгиевич Чернышов, родом из крестьян г. Торжка. Послушник Карп пострижен в монахи в 1878 с именем Ксенофонт. Такой маленький срок послушнического искуса, скорее всего, объясняется тем, что Карп Георгиевич до принятия указным послушником подвизался в монастыре как трудник и был хорошо известен монастырскому начальству.

С 14 апреля 1885 г. - уже иеромонах. Затем братский духовник, казначей.

В графе «каких качеств» - «отличного поведения, смирен, к послушанию способен и усерден и назидателен для богомольцев». »Назидателен для богомольцев» - такая характеристика единственная в Послужных списках, начиная с 1895 года.

Затем иеромонах Ксенофонт становится игуменом, настоятелем монастыря. Он был награжден наперсным крестом, выдаваемым от Святейшего Синода.

Сохранилась фотография игумена Ксенофонта с братом. Когда помотришь на фотографию, начинаешь сомневаться, что братья родом из крестьян.

Судя по фотографии, или брат поднялся на более высокую сословную ступень, или игумен Ксенофонт - выходец, по крайней мере, из купеческого сословия.

По воспоминаниям, игумен Ксенофонт – подвижник и молитвенник, муж духовный, к которому «ходят» за советом целыми семьями не только жители близлежащих сел, но и более отдаленных мест - Клинского и Тверского уезда. И они действительно ходили пешком, за 40 и более км – так важно было совет и благословение этого Богом просвещенного человека.

Игумен Ксенофонт и в не близком Княжеве Дмитровского уезда имел духовных детей. По его молитвам исцеляется в этом селе родственник Пелагеи Платоновны Волковой (урожд. Калининой) от смертельной болезни – «антонова огня», теперь именуемой гангреной.

Пелагея Платоновна вспоминала, что игумен Ксенофонт обладал даром изгонять нечистых духов. Это происходило вечером в церкви, без народа и не было похоже на современные массовые «отчитки». Монахи боялись этих отчиток, потому что из церкви доносились иногда страшные звуки.

О нем известен еще такой случай: приехавший в монастырь Владыка Серафим (Звездинский), рукоположенный в епископы Дмитровские в 1919 году, в своих архиерейских покоях был обеспокоен клопами и пожаловался настоятелю.

О. Ксенофонт с детской простотой отвечал: «Что ты, Владыко, у нас клопов нет. Старцы им запретили находиться в наших кельях». Все же прочитал запретительные молитвы: «Ни один клоп не придет и не потревожит тебя». Ни один клоп более не потревожил епископа Серафима в стенах Пешноши.

Но за недлинную жизнь сщмч Серафима (Звездинского) сколько клопов терзало его тело в местах заключения и каким изощренным мучениям подвергали его кровососы от человечества!

Оглядываясь на недавний период истории нашей страны невольно возникает вопрос: «Почему же, почему монастыри уничтожены, лучшие люди расстреляны, богатая страна разорена?» Ответы находим у свт. Игнатия (Брянчанинова), который еще в 19 веке разглядел грядущую бурю и указал на причины Божьего гнева: «Есть в частности христианство, но утрачено общее одинаковое знание Истины, которым бы все соединялось в одно духовное тело, с одним образом мыслей, в одном духе, под одною общею главою – Христом». Это верно как для монастыря, так и для страны в целом.

«Начало бедствий заключается в непозволительном и гордом презрении велений Святого Духа, в замене их своими уставами. Вот где причина всеобщего расстройств, причина падения христианства, падения нравственного, всегда предшествующего расстройству гражданскому».

В это сложное время в монастырь поступил Александр Ильич Жемков, главное

действующее лицо этой книги; в 1912 году он был по указу причислен к братству обители. Монашеский путь послушника «Сашки», монаха Серафима, иеродиакона Серафима, начавшись «при ногу» угодника Божия игумена Ксенофонта, продолжился в годы, которые Святейший Патриарх Алексий П в докладе на Архиерейском соборе 2003 года оценил так:» Для Русской Церкви минувшее столетие стало временем испытания твердости веры, сравнимого только с преследованием христиан в Римской империи. А по масштабу гонений во много раз его превосходящего».

... Святитель Игнатий (Брянчанинов) в середине XIX века писал «Отступление (от Бога) начало совершаться с некоторого времени очень быстро, свободно и открыто. Последствия должны быть самые скорбные».

А это писал Герцен примерно в это же время: «Или вы не видите варваров, идущих разрушать. Они готовы. Когда настанет их час, Геркуланум и Помпея исчезнут, хорошее и дурное, правый и виноватый погибнут рядом...

Что выйдет из этой крови – кто знает; но что бы ни вышло, довольно, что в этом разгаре бешенства, мести, раздора, возмездия погибнет мир, теснящий нового человека, мешающий водвориться будущему – и это прекрасно, а потому да здравствует хаос и разрушение, и да водворится будущее.»

Наступили «самые скорбные последствия», водворилось будущее.

По словам Пелагеи Платоновны Волковой, «монастырь раскрепостили». В монастырь явились солдаты, сняли ризы с икон, привязывали к иконам красные банты. Перерезали монастырских коров, что явилось еще одним предлогом для возмущения народа в близлежащем селе Рогачево в 1918 г., названного в документах тех лет «вооруженным кулацким восстанием».

Вот краткая история восстания. На богатое село Рогачево Дмитровского уезда наложили «контрибуцию» на огромную сумму. (Ситуация напоминает монголо-татарское иго). Рогачевцы платить отказались. Был послан отряд красноармейцев, который прибыл в Николо-Пешношский монастырь. Был объявлен «валовой сход» в селе Рогачево. На сход пришли жители села Рогачево, жители близлежащих сел,

красноармейцы, от монастыря был прислан монах.

11 августа 1918 года тысячная толпа на валовом сходе требовала у отряда ответа, зачем они привезли пулемет. Произошел взрыв народного гнева. Бежавших красноармейцев поймали и 6 человек расстреляли на Рогачевской площади. Затем быстро присланная карательная экспедиция ЧК расстреляла организаторов валового схода: Ивана Сергеевича Свешникова; начальника пожарной дружины Ивана Сергеевича Бармина.

Позже расстреляли владельца кожевенного завода Александра Николаевича Юрасова и крестьянина Алексея Сергеевича Князева. Последних погребли на площади, там же, где расстреляли красноармейцев («правый и виноватый погибнут рядом - Герцен»), а их могилы сравнивали с землей и положили сверху камни мостовой.

Помяни их имена, благочестивый читатель!

Семьи их были разорены, контрибуцию взыскали. Село Рогачево* «навсегда» было лишено права представительства и участия в выборах. Все это происходило в пяти верстах от монастыря. Что же происходило в монастыре?

Пелагея Платоновна, сестра Татьяны Платоновны Калининой, в своих воспоминаниях приводит такой удивительный факт, дышащий первыми веками христианства: вечернюю молитву настоятеля монастыря, старца игумена Ксенофонта совместно с его духовной дочерью, в то время работницей монастырской фермы, Татьяной Калининой.

Татьяна привела свою крестницу – малолетнюю сестру Пелагею (Полюшку), не очень охочую до молитв. Эта Полюшка, ныне 98-летняя Пелагея Платоновна вспоминает: «После службы правило прочитают. Отец Ксенофонт скажет: «А еще акафист Божией Матери». Молятся на коленях» Это было в 1918-19 годах. Примерно в это время происходили события в Рогачево, в монастырь являлись солдаты, с непонятным до сих пор ожесточением совершавшие кощунства над верой предков. А в келье отца настоятеля веет «Свете Тихий Святые Славы Отца Небесного...». Это из внутренней, скрытой жизни монастыря, а вот что происходило внешне. В 1918 году из Борисоглебского монастыря г. Дмитрова были переселены монахи в **Николо-Пешношскую обитель**

Владыка Серафим (Звездинский) рукоположил игумена Ксенофонта в сан архимандрита, а 6 мая 1921 года, в день вмч. Георгия постриг отца Ксенофонта в схиму с именем Онуфрий.

*Село Рогачево, лишенное «навсегда» избирательных прав, тем не менее стало на долгие годы центром Коммунистического района

В 1922 году 3 /16 июля схиархимандрит Онуфрий скончался. Запись в синодике: «Схиархимандрит Онуфрий. Настоятель монастыря. Старец. + 1922 г. 3 июля». Погребен за алтарем Сергиевской церкви.

Есть фотография, на которой возле могильного креста схиархимандрита Онуфрия, мы видим монаха и группу женщин монашеского вида – видимо, духовных чад схиархимандрита Онуфрия. Не те ли это «девки», которые, по воспоминаниям Пелагеи Платоновны, приведенными ниже, после кончины своего духовного отца пели: «где ты, отче мой, сокрылся» и плакали?

В декабре 1922 года был арестован Владыка Серафим (Звездинский).

Но до его ареста возле мощей преп. Мефодия в присутствии Владыки Серафима происходит избрание нового настоятеля и поставления его в игумены.

Им стал иеромонах Варнава (Жуков).

«Самые церковные бедствия без попущения Божия совершаться не могут». (Письма свт. Игнатия). Это понимали рабы Божии в то страшное время.

Николо-Пешношский монастырь был с 1922 по 1928 год филиалом Дмитровского

краеведческого музея.

Дмитровским краеведческим музеем в то время руководил Кирилл Алексеевич Соловьев, впоследствии столп советской этнографии, в 20-х годах он был представителем Главнауки Наркомпроса в Дмитрове. Он оказал неоценимую помощь верующим и духовенству Дмитровского уезда в спасении реликвий*.

* Все нижестоящие цитаты и сведения из статьи Л.Р.Вайнтрауб «Святыни Дмитровской Земли» «Московские епархиальные ведомости» №* 11-12/ 2004

В страшные дни «изъятия церковных ценностей для голодающих Поволжья» Кирилл Алексеевич, по словам рапорта (доноса) председателя Дмитровского УИКа (уездного исполнительного комитета) А.И.Бутусова, "вел себя возмутительно, бегал из одной церкви в другую, внося нервный срыв и раздражение, и тем нарушал организованную работу комиссии по изъятию.

Желание, руководившее им - оказать возможное противодействие и не допустить изъятие "историко-художественных ценностей" из Дмитровских храмов. Духовенство вполне оценило его действия, объединившись с ним для совместной работы с "супостатами большевиками"".

В дошедшем до нас разговоре членов Дмитровского УИКа с К.А.Соловьевым 25 апреля 1922 г. в ответ на реплику Бутусова, что "для спасения миллионов голодающих нужно взорвать ваши храмы со всем вашим искусством", Соловьев ответил: "Где лом и клещи, наука и искусство не нужны. Для меня наука и искусство выше всего. Наука и искусство беспартийны, наука и искусство спасали и спасут мир". Эти фразы Кирилла Алексеевича не надо понимать буквально, надо понимать просто как протест против действий власти.

По показанию Соловьева, "комиссия совершенно не считалась не только с инструкцией Главмузея, но и с инструкцией о порядке изъятия церковных ценностей". Из рапорта

уездной комиссии известно, что из 36 церквей Дмитровского уезда изъято золота 1 фунт 35 золотников, серебра 62 пуда 25 фунтов 77 золотников, разных драгоценных камней 710 штук.

Были такие приходы в Дмитровском уезде, где верующие предлагали вместо церковных ценностей внести деньги, продукты, но не то нужно было «народной власти».

Из секретного письма Ленина членам ВЦИК от 19 марта 1922 года «Именно теперь и только теперь, когда в голодных местностях едят людей, и на дорогах валяются сотни, если не тысячи трупов, мы можем (и поэтому должны) провести изъятие церковных ценностей с самой бешеной и беспощадной энергией. Чем большее число представителей реакционного духовенства удастся нам по этому поводу расстрелять, тем лучше».

К.А Соловьев всеми силами пытался сохранить монастыри Николо-Пешношский и Борисо-Глебский в Дмитрове хотя бы как памятники искусства, пытался уберечь от уничтожения святыни Церкви.

В 20-годах это была повсеместная практика – в монастырях открывали музеи и музейные деятели, среди которых были люди, несомненно, православного мировоззрения (или хотя бы воспитания), пытались отстоять православные святыни под видом культурных ценностей. Под кровом музеев работали люди дворянского происхождения - «реакционные кадры» - такое определение в «деле Соловьева» (об этом речь дальше) получили окружавшие его сотрудники с известными дворянскими фамилиями – Голицын, Шаховская.

Благодаря Соловьеву и деятельности неведомых музейных работников сохранились потир, посох и рака преп. Мефодия Пешношского, до сих пор находящиеся в музее Дмитровского Кремля.

До 1926 года на территории Борисо-Глебского монастыря г. Дмитрова оставались монахини Турковицкого монастыря Холмской епархии, переселенные в Дмитров в связи с военными действиями в Холмском крае в годы Первой мировой войны.

По свидетельству работников музея и после изгнания монахинь властями директор музея милостиво относился к старушкам-монахиням и приютским девочкам, остававшимся еще некоторое время в монастыре.

Деятельность Кирилла Алексеевича Соловьева получила соответствующую оценку – он был арестован 18 января 1933 года.

Он не только пытался сохранить святыни, хотя бы как ценности культуры, но еще и осмелился возражать правой руке руководителя ОГПУ Ягоды – всесильному Когану, который был назначен начальником строительства Каналстроя. В 30-х годах свезенные, в основном, из Московской области «враги народа» и «жены врагов народа» под управлением уголовников и преступников из ОГПУ строили канал Москва-Волга. Организация, которая этим занималась называлась «Каналстрой». Коган претендовал на здания Борисо-Глебского монастыря в Дмитрове, где в это время размещался Краеведческий музей. Ему-то и возражал К.А.Соловьев, в то время бывший директором краеведческого музея.

В результате - дело № 3227 «о контрреволюционной организации врачей и краеведов Москвы и Московской области».

Из обвинительного заключения: «Участники дмитровской группы вели систематическую агитацию...используя сбор экспонатов, под видом беседы на краеведческие темы... В отделе быта выставлялись без соответствующего оформления в чрезмерно большом количестве иконы, что придавало им превалирующее значение в быте русского крестьянства...

Соловьев систематически группировал вокруг себя реакционные кадры... Отдел промыслов не обращает внимания зрителей на положение эксплуатируемых». И прочий бред. Единственная правда в обвинительном заключении – «Соловьев являлся авторитетом.»

Новую власть не устраивали иконы даже как предметы быта и не устраивали русские

интеллигенты, сохранившие совесть.

На следствии К.А. Соловьев не признал обвинения и не стал подписывать протоколов. Тогда еще не пытали...Но все-таки на такое сопротивление далеко не все способны.

Через несколько месяцев заключенных выпустили из Бутырской тюрьмы за недостаточностью улик. Дмитровский краеведческий музей законсервировали.*

В зданиях закрытого монастыря разместилось Управление канала Москва — Волга и Дмитлага (Канал до 1947 г. назывался Москва — Волга, а затем — Канал им. Москвы). Дмитлаг был одним из подразделений (управлений) ГУЛАГа — Государственного управления лагерей.

К.А.Соловьев после освобождения из тюрьмы успешно работал в музее-усадьбе Останкино в Москве, стал его директором и сохранил храм Живоначальной Троицы в Останкино в приличном состоянии.

Думается, что многие работники телевизионного центра в Останкино, начавшие свое восхождение к Богу в этом храме, должны быть благодарны К.А.Соловьеву за его подвижническую деятельность. Да вознаградит его Бог за это, и за Пешношу, и за храмы Дмитрова и Дмитровского района, и за милостивое отношение к гонимым монахиням Турковицкого монастыря !

В 1933 году, после закрытия краеведческого музея и ареста его сотрудников, музейные экспонаты Дмитровского краеведческого музея, в числе которых, весьма вероятно, находилась чудотворная икона «Прежде Рождества и По Рождестве Дева» и другие святыни, были свалены на мостовую перед зданием райисполкома.

* Сведения о судьбе К.А.Соловьева взяты из книги Соловьевой Елизаровой «Воспоминания», М., издательская группа «Юрист», 2005 г.

«Значительная часть экспонатов была испорчена, разбита и расхищена рабочими канала Москва-Волга (заключенными)»- пишет Валерий Ростовцев, бывший сотрудник музея.

Из святынь Пешноши сохранилась, как уже было сказано, икона Крестителя Господня Иоанна Предтечи работы преп. Андрея Рублева или его учеников в музее древнерусского искусства имени преп. Андрея Рублева, потир и рака преп. Мефодия Пешношского в Дмитровском Краеведческом музее. Сохранился также игуменский посох, хранившийся в Спасском храме села Дулово.

А в Николо-Пешношском монастыре происходило то, что происходило в то время в каждом монастыре нашей Родины. Разорение святыни, изгнание монахов. Монахи, переселившись на конный двор, организовали сельскохозяйственную полеводческую артель под руководством игумена Варнавы В эти годы из 400 монастырей, существовавших в России, осталось примерно 116 в виде артелей – это была единственная возможность легального существования монашеского братства в то время. За решением вопросов и духовного руководства Пешношские монахи приезжали в г. Меленки, где в то время находился гонимый епископ Дмитровский Серафим (Звездинский). Но и это продолжалось недолго.

Игумен Варнава был оклеветан и предан суду в 1924 году. Он пережил такую историю, какую можно было прочитать, казалось, только в каком-нибудь древнем патерике. И вновь братия выбрали его игуменом. (Подробнее в Приложении).

На музейном экземпляре книги «История общежительного монастыря чудотворца Николая, что на реке Пешноше» в конце есть такая запись :

» **Николо-Пешношский монастырь** в 1928 году 12 апреля (Вторник Страстной недели): все церкви запечатаны. В числах 2-7 мая снято все ценное и продано. Осталась лишь Дмитриевская церковь (церковь свят. Дмитрия Ростовского - составитель), как памятник искусства. Последний игумен Варнава (Жуков)».

Монашеская артель, несмотря на то, что она, как и все монашеские артели, была, выражаясь современным языком, рентабельна, была разогнана в 1929 году. Игумен Варнава был повторно арестован в 1931 году.

Перед арестом игумен Варнава, по данным ПСТГУ, принял схиму из рук епископа Серафима (Звездинского), бывшего время от времени на свободе.

После ареста по делу «антисоветской агитации» игумена Варнаву сослали в Казахстан. Последние сведения о игумене Варнаве (схиигумене Мефодии), что он был, где-то с 1938 года духовным руководителем Анны Патрикоевой - духовного чада расстрелянного Владыки Серафима (Звездинского) и окормлял ее примерно до 1942 года. Подробнее в Приложении.

В литературе год закрытия монастыря встречается разный: от 1924 до 1929. По воспоминаниям духовных чад схиеродиакона Александра Жемкова) – это год 1927. И в синодике монастыря последняя запись: «Схимонах Ксенофонт +1927 год, 17 августа». Дальше вырванные страницы, небрежные чьи-то подсчеты рублей и копеек, сделанные еще такой ручкой, которую надо было макать в чернила. Как определить последний год или день монастыря? Наверно, когда служилась последняя Литургия. Но это пока скрыто от нас.

Из воспоминаний Пелагеи Платоновны о последних монахах монастыря: «которые размонашились, которых посадили».

Не все монахи Пешноши остались монахами, но нам достоверно известно только об одном иеромонахе, вступившем в брак. Конец его жизни на Бутовском полигоне, как и его монашеских братьев, стоявших в вере до конца. Видимо, о нем плакал «навзрыд» и не мог успокоиться, по воспоминаниям духовных чад, прозорливый схиеродиакон Александр.

Жизнь нам известных монахов после ликвидации артели складывалась примерно одинаково – они все рассыпались по приходам, в основном, расположенным недалеко от монастыря.

Николо-Пешношский монастырь находится близко к границе Дмитровского района Московской области с Тверской областью - бывшей Калининской, в которую входил частично и Клинский район Московской области. Поэтому, когда я читала в документах общества «Мемориал», что кто-то осужден тройкой УНКВД Калининской области, я настораживалась, и иногда не зря.

Время служения на приходах продлилось недолго, от 4-х до 10 лет для некоторых.

Настоящий монах - это человек, который все делает как следует.

Поэтому мы видим, что и в те страшные годы священники-монахи - иеромонахи ревностно «пасут» свое малое стадо.

Например, там, где служил на приходе выходец из Пешноши прмч. игумен Иоасаф (Шахов) сократилось число раскольников. Везде, где служили новомученики Пешношские, не умолкала проповедь Евангелия не только словом, но и образом жизни. Могла ли безбожная власть это допустить!? И вот – арест.

Обвинения Пешношских монахов, в основном, по ст. 58 и 58 10-11 УК – антисоветская агитация против мероприятий советской власти. За что следовал приговор – «высшая мера наказания – расстрел» - в годы 1937 - 38 . Если арестовывали раньше, в конце 20-х - начале 30-х, то меры наказания иногда бывали мягче – ссылки в основном. В 1937-38 году «органы» стали применять пытки к подсудимым. Поэтому, когда в делах люди «выдают» свое окружение – то это может быть следствием пыток или лжесвидетельства. А вот когда свидетельствуют о своей вере или молчат – то это сверхъестественный мученический подвиг.

А.И Солженицын пишет в книге «Архипелаг Гулаг»: «...коренное уничтожение религии в этой стране, все 20-е и 30-е годы бывшее одной из важных целей ГПУ-НКВД, могло быть достигнуто только массовыми посадками самих верующих православных.

Интенсивно изымались, сажались и ссылались монахи и монашенки, так зачернявшие прежнюю русскую жизнь.

Арестовывали и судили церковные активы. Круги все расширялись - и вот уже гребли просто верующих мирян, старых людей, особенно женщин, которые верили упорнее и которых теперь на пересылках и в лагерях на долгие годы тоже прозвали монашками.

Правда, считалось, что арестовывают и судят их будто бы не за самую веру, но за высказывание своих убеждений вслух и за воспитание в этом духе детей. Как написала Таня Ходкевич:

"Молиться можешь ты свободно,

Но... так, чтоб слышал Бог один"

(За это стихотворение она получила десять лет.) ... Всем религиозным давали десятку, высший тогда срок».

Судя по обвинениям, большая часть братии Николо-Пешношского монастыря исповедовала веру Христову, была верна Господу «даже до смерти, смерти же крестная». Если рассмотреть известные нам судьбы монахов, то видно, что они находились в общении между собой, не исчезло Пешношское братство.

В 2000 году были прославлены в лике святых новомучеников из бывших насельников Николо-Пешношского монастыря прмч. Герасим (Мочалов, + 1937 г.), прмч. Иоасаф (Шахов, + 1938 г.), прмч. Николай (Салтыков, + 1937 г.), прмч. Аристарх (Заглодин-Кокорев, + 1937 г.), прмч. Иоасаф (Шахов, + 1938 г.), прмч. Николай (Салтыков, + 1937 г.), прмч. Аристарх (Заглодин-Кокорев, + 1937 г.).

Благодаря помощи одного из рода Жемковых – Андрея и И.Г. Меньковой из ПСТГУ удалось установить судьбы еще нескольких насельников Николо–Пешношского монастыря, помимо прославленных новомучеников.

Точно известно, что были расстреляны за веру иеромонах Анастасий (Павлов), иеромонах Пахомий (Слепнев), иеромонах Варсанофий (Будкин), пострадал за веру иеромонах Борис (Ветров).

Одновременно 14 марта 1937 года были расстреляны монахи Пешноши: иеромонах Иоанн (Кондратьев), иеромонах Софроний (Марасев), иеромонах Тимон (Надеждин), иеромонах Иоанн (Успенский) по стандартному обвинению «участие в контрреволюционной группе церковников, проводивших среди населения антисоветскую агитацию».

Расстрелян в Санкт-Петербурге (тогда Ленинграде) монах Василий (Козлов), правда, нет уверенности, что Василий – это его монашеское имя.

Есть сведения, что расстрелян монах Герман (Смирнов). Пострадали за веру иеродиакон Никандр, иеродиакон Парфений. Сведений о том, где и как они окончили свою жизнь пока нет.

Монаха Василия (Козлова) и иеромонаха Бориса (Ветрова) в послужном списке за 1916 год нет. Эти люди стали монахами после войны, в которой участвовали. Боголюбивые души после жестоких испытаний войны пошли в монастырь, а их собратья по окопам – пошли разорять монастыри. Воистину, спасается малое стадо.

Петр Максимович Крымов, бывший послушником в 1916 году, пострадал за веру в священном сане.

Какое отношение к мученикам за веру было в первых христианских общинах доносит нам из глубины веков послание Смирнской Церкви к Церкви Филомелийской о мученичестве св. Поликарпа Смирнского (после 155 года н.э.) в ответ на пожелание знать подробности события.

Смирняне просят филломелийцев переслать их послание «более удаленным братьям», чтобы и они прославили Господа «за тот выбор, который Он сделал среди рабов Своих».*

Прославим и мы, «более удаленные братья», Господа за тот выбор, что Он сделал среди рабов Своих.

А в Николо-Пешношский монастырь сначала были вселены окрестные жители. В 1928 как монастырь, так и филиал музея были закрыты, в их зданиях размещён Дом инвалидов Мособлсобеса.

*Прот. Георгий Флоровский «Отцы первых веков» Кировоград 1993 г. стр.24.

Во начале Великой Отечественной войны в ноябре 1941 года мимо монастыря по направлению в Рогачево прошли танковые соединения фашистских войск. А уже в декабре 1941 г., начиная с 6 декабря, дня памяти св. блгв. князя Александра Невского, русские воины погнали оккупантов обратно. Наступление на Москву захлебнулось. В то время поселок Луговой, где располагается теперь Николо-Пешношский монастырь назывался «Прожектор».

После войны, по сведениям писателя А.Блохина, уроженца Дмитровского района, в монастыре жили инвалиды войны. Среди них были люди с горькой кличкой - «самовары» - т.е. люди без рук, без ног.

С 1966 года на территории монастыря располагается [Психоневрологический интернат № 3](#). В 1960-х - начале 1970-х под руководством Н. И. Иванова отреставрированы некоторые храмы, а также частично укрепления монастыря.

Вопрос о выводе интерната из исторического архитектурного комплекса впервые был поднят ещё в 1975 году, однако его решение затянулось на несколько десятилетий.

Но вернемся в мрачный ноябрь 1927 года.

Редчайшим исключением в среде монашествующих была судьба Александра Ильича Жемкова - иеродиакона Серафима, в схиме Александра, которого Промысел Божий сохранил для окормления немногих оставшихся верующих – как евангельскую закваску.

...

Ему выпал особенный путь по благословию духовного отца схиархимандрита Онуфрия.